

Словно ведомый внутренним чувством, Лу Сяо слегка повернул голову и посмотрел рядом с собой.

Человек, о котором он думал и чьё имя повторял, сейчас тихо лежал рядом, держал его за руку и мирно спал.

В груди Лу Сяо всё распирало, одна за другой поднимались волны горечи. В его памяти каждый раз, когда он приходил в сознание, Цзян Чуань находился рядом — всегда, где бы они ни были и какой бы ни была ситуация.

Он боялся представить, как Цзян Чуань пережил все эти ночи. Наверняка ему было одиноко и страшно, но он изо всех сил сдерживался, не плакал и молча переваривал всё в одиночку...

Сердце непрерывно ныло, эмоции тоже становились всё сильнее. В конце концов Лу Сяо не выдержал, крепче сжал руку Цзян Чуаня и позвал:

— Ачуань, проснись. Я вернулся.

Не успел он позвать и двух раз, как брови Цзян Чуаня дрогнули. Тот сонно открыл глаза — и неожиданно увидел перед собой пару синих глаз.

Он резко сел.

— Лу Сяо, ты проснулся?!

В Цзян Чуане одновременно смешались растерянность и радость. Он инстинктивно собирался позвать Пэй Ле и Сюй Синчуня.

Но в этот момент Лу Сяо способностью сорвал с себя все крепления, поймал уже развернувшегося Цзян Чуаня и крепко прижал к груди.

Цзян Чуань ещё толком не проснулся. Его внезапно с силой дёрнули за руку, он ударился о край кровати и рухнул в объятия Лу Сяо — только тогда сон окончательно слетел.

— Ачуань, это я. Лу Сяо.

Цзян Чуань застыл в его руках. Ему показалось, что он ослышался. Почему Лу Сяо сейчас говорил так же, как раньше?

Лишь когда Лу Сяо повторил:

— Ачуань, не бойся. Я вернулся.

Цзян Чуань наконец понял: ему не послышалось. Человек, которого он ждал день и ночь, сейчас действительно держал его в объятиях.

Горько-сладкие слёзы мгновенно наполнили глаза и покатались вниз, словно жемчужины с оборвавшейся нити.

Голос Цзян Чуаня дрожал:

— Лу Сяо... Это правда ты?

— Я, Ачуань. Прости. Я заставил тебя так долго ждать. Прости...

Даже через одежду Лу Сяо почувствовал влагу. Сердце будто разрезало ножом. Он не знал, чем ещё утешить человека в своих руках, кроме как крепче обнимать его и снова просить прощения.

Услышав это, Цзян Чуань, всё ещё державшийся за край его одежды, наконец тоже обнял Лу Сяо. Он стиснул его изо всех сил, словно защищал самое драгоценное сокровище или снова и снова убеждался, что Лу Сяо перед ним настоящий.

Лу Сяо медленно гладил его по спине. Он хотел сказать, чтобы тот не плакал, но понял, что Цзян Чуаню нужно выплеснуть всё накопившееся.

Поэтому лишь легко целовал его возле уха и раз за разом шептал:

— Прости.

— Я люблю тебя.

— Чёрт... у-у-у... Лу Сяо, ты сволочь!

— Угу, я сволочь. Бросил тебя одного на столько дней. Мне вообще жить не стои—

— Не смей говорить это слово! У-у-у...

— Хорошо-хорошо, не буду. Я просто сволочь. Огромная сволочь!

В плаче Цзян Чуаня смешались обида, счастье, боль и восторг. Все эти чувства, словно горький

крепкий алкоголь, заливали Лу Сяо изнутри.

В конце концов он тоже не выдержал — из уголков глаз потекли слёзы. Только плакал Лу Сяо куда сдержаннее. Сейчас он не должен был плакать. Он должен был оставаться сильным и стать опорой для Цзян Чуаня.

Но ему было так больно за него.

Если бы он смог очнуться хоть немного раньше...

Выходит, как ни крути, он и правда сволочь!

Лу Сяо начал безжалостно ругать самого себя. Цзян Чуань слушал-слушал и постепенно перестал плакать. Всхлипывая, он ущипнул Лу Сяо за руку.

— Всё, хватит. Зачем ты так себя кроешь? Не надо!

Руку Лу Сяо защипало от боли, но он терпел. Да что там щипок — даже если бы Цзян Чуань сейчас избил его, он бы не издал ни звука.

Разве физическая боль могла сравниться с тем, что пережил Цзян Чуань?

— Ачуань, мне правда очень жаль. Я должен был прийти в себя раньше...

Цзян Чуань задрал край футболки Лу Сяо и вытер об неё слёзы и сопли, после чего покачал головой.

— Ничего. Я знаю, ты и так очень старался.

Лу Сяо восстанавливался не мгновенно — он шаг за шагом становился лучше. Цзян Чуань видел каждое изменение и чувствовал его.

Он смутно понимал: такой огромный скачок в восстановлении наверняка связан с собственной волей Лу Сяо. Тот, должно быть, отчаянно хотел вернуться в себя — настолько сильно, что сумел победить материнский вирус.

Поэтому на самом деле Лу Сяо вовсе не был сволочью.

Он действительно очень старался.

Ладонь Лу Сяо мягко легла на щеку Цзян Чуаня, а большой палец медленно провёл под скулой.

Сдерживая чувства, он спросил:

— Почему ты так похудел?

Лицо заметно осунулось, под глазами залегли тёмные круги. Человек, который обычно больше всех любил чистоту, теперь даже оброс щетиной.

Лу Сяо было невыносимо больно смотреть. Он мысленно поклялся, что теперь обязательно откормит Цзян Чуаня и вернёт его прежним.

Глаза Цзян Чуаня после плача всё ещё были красными. Даже обычные слова из его рта звучали обиженно, и сам он напоминал сердитого молочного котёнка:

— Что, разонравился?

— Нет! — Лу Сяо тут же возразил. — Как ты можешь мне разонравиться? Не говори так.

Цзян Чуань фыркнул со смешком. Вообще-то он тоже хотел придраться к внешности Лу Сяо, но не нашёл к чему: всё это время он ухаживал за ним очень тщательно, поэтому Лу Сяо оставался чистым и опрятным. Даже после нескольких дней без сознания, когда питание шло только через капельницы, после пробуждения Цзян Чуань всё равно собирался откормить его разными полезными блюдами.

В глубине души он сейчас был невероятно счастлив. Спасибо небесам — Лу Сяо наконец вернулся таким, каким Цзян Чуань любил его больше всего.

Немного успокоившись, Цзян Чуань посмотрел Лу Сяо прямо в глаза. Он хотел передать ему самое настоящее чувство и дать понять без всяких сомнений.

— Лу Сяо, я люблю тебя.

В ночной тишине, где слышно было бы падение иглы, эти слова прозвучали словно струна, медленно достигли ушей Лу Сяо, проникли прямо в сердце и подняли там огромные круги.

Тук. Тук. Тук.

Сначала сердце дрогнуло, а затем стало обжигающе горячим.

Глаза Лу Сяо слегка покраснели.

Он помнил. Всё помнил.

Слова «я люблю тебя» Цзян Чуань за это время повторял ему бесчисленное количество раз.

Раньше, чтобы услышать их хотя бы однажды, Лу Сяо приходилось выпрашивать — да ещё и обычно только в постели. А теперь Цзян Чуань будто хотел говорить их сотню раз в день.

Насколько же ему было страшно, если он чувствовал, что чего-то недодал?

Насколько сильно он сожалел, если повторял это снова и снова?

Если бы Лу Сяо действительно не пережил этот кризис — что стало бы с Цзян Чуанем?

Ногти глубоко впились в ладонь. Лу Сяо заставил себя не думать о том, чего никогда не произойдёт.

Не произошло раньше, не произойдёт сейчас и не произойдёт потом!

Цзян Чуань любит его и проведёт с ним всю жизнь — именно об этом Лу Сяо мечтал больше всего!

Конечно, он должен хорошо жить.

— Я тоже люблю тебя, Цзян Чуань.

— И спасибо тебе. За то, что всё это время не сдавался. Больше я никогда не заставлю тебя грустить или страдать.

<http://bllate.org/book/18818/1991688>